

Патрик Зюскинд

Контрабас

Комната. Играет пластинка, Вторая симфония Брамса. Кто-то тихо подпевает. Шаги, которые только что удалились, возвращаются. Открывается бутылка, этот Кто-то наливает себе пиво.

Минуточку... один момент... — Вот! Вы это слышите? Вот! Сейчас! Слышите вы это? Сейчас повторится, тот же самый пассаж, минуточку.

Вот! Вот сейчас вы его слышите! Я имею в виду басы. Контрабасы...

Он снимает иглу с пластинки. Конец музыки.

...Это я. Или даже мы. Коллеги и я. Государственный оркестр. Вторая Брамса — это уже впечатляюще. В этом случае мы были вшестером. Состав средней величины. Всего же нас восемь. Иногда нас усиливают еще кем-нибудь до десяти. Был даже случай, когда было двенадцать, а это сильно, скажу я вам, очень сильно. Двенадцать контрабасов, если они захотят, — сейчас теоретически, — вы не сможете удержать их даже с целым оркестром. Уже даже чисто физически. Остальные тогда могут просто упаковывать вещи. Но без нас на самом деле ничего не получится. Можете спросить кого угодно. Любой музыкант с удовольствием вам подтвердит, что любой оркестр в любой момент может отказаться от дирижера, но не от контрабаса. В течение столетий оркестры обходились без дирижера. А дирижер, даже исходя из истории музыки, — это изобретение новейших времен. Девятнадцатого века. И даже я могу вам подтвердить, что мы в Государственном оркестре иногда играем, совершенно не глядя на дирижера. Или глядя мимо него. Иногда мы играем, не обращая внимания на дирижера так, что он этого и сам не замечает. Оставляем его там впереди размахивать так, как он себе хочет, а сами развязываем себе руки. Не с ГМД. Но с гастролирующими дирижерами — всегда. Это самая потайная и желаемая радость, которой едва ли с кем-нибудь можно поделиться. — Но

это к слову.

С другой же стороны, совершенно нельзя себе представить иного, а именно — оркестр без контрабаса. Можно даже сказать, что оркестр — это как определение — вообще начинается лишь там, где присутствует бас. Существуют оркестры без первой скрипки, без духовых инструментов, без литавр и без труб, без всего. Но не без баса.

Что я хочу всем этим сказать, так это лишь то, что контрабас просто и бесспорно является самым важным инструментом в оркестре. С этим не согласиться нельзя никак.

Он создает общую основную структуру оркестра, на которой лишь только и может держаться весь остальной оркестр, включая дирижера. Таким образом, бас — это фундамент, на котором, говоря образно, возвышается все это великолепное здание, говоря образно. Попробуйте забрать оттуда бас, и тогда возникнет чистейшее вавилонское смешение языков. Содом, в котором никто более не знает, зачем он вообще играет музыку. Представьте себе — приведем пример — Симфонию си-минор Шуберта **без** басов. Яркий пример. Можете выбросить из головы. Вы можете выбросить на помойку всю оркестровую партитуру от А до Я — все, что хотите: симфонию, оперу, сольные концерты, — вы можете выбросить все это в том виде, в каком оно у вас есть, если у вас нет контрабасов. И спросите-ка любого музыканта, играющего в оркестре, когда он начинает "плавать"? Спросите же его! Тогда, когда он перестает слышать контрабас. Фиаско. А в джаз-бэнде это проявляется еще более явно. Джаз-бэнд просто словно взрывом разметывает по сторонам — это образно, — если выключается бас. Остальным музыкантам моментально, как после удара, все начинает казаться бессмысленным. Вообще-то я не приемлю джаз, рок и подобные вещи. Потому что я, воспитанный в классическом смысле на прекрасном, добром и настоящем, я не остерегаюсь ничего более, чем анархии свободной импровизации. Но это к слову.--

Просто я хотел для начала констатировать, что контрабас является **центральным** инструментом оркестра. В общем-то это знает каждый. Просто никто этого не признает, потому что музыканты оркестра по природе своей немного ревнивы. Как чувствовал бы себя наш концертмейстер со своей скрипкой, если бы он был вынужден признать, что без контрабаса он был бы словно король без одежды — жалкий символ

собственной незначимости и ничтожности? Он чувствовал бы себя нехорошо. Совсем нехорошо. Выпью глоточек...

Он выпивает глоток пива.

...Я скромный человек. Но как музыкант я знаю, что является основой, на которой я стою; матерью-землей, в которой находятся все наши корни; источником силы, из которого исходят все музыкальные мысли; действительно лежащим в основе полюсом, из плоти которого — образно — струится музыкальное семя... — это я! — Я имею в виду, это бас. Контрабас. Все остальное — это противоположный полюс. Все остальное становится полюсом лишь благодаря контрабасу. Например сопрано. Теперь опера. Сопрано как — как бы мне сказать... знаете, у нас сейчас в опере есть молодая сопранистка, меццо-сопрано, — я слышал множество голосов, но это действительно трогательно. Я чувствую себя до глубины души тронутым этой женщиной. Скорее даже еще девушкой, около двадцати пяти лет. Самому мне тридцать пять. В августе мне исполнится тридцать шесть. Когда еще оркестр будет в отпуске. Великолепная женщина. Окрыляющая... Это к слову.--

Итак: сопрано — сейчас пример — в качестве самого противоположного из всего возможного, что мысленно можно противопоставить контрабасу, из человеческого и звучащего инструментально, было бы... было бы тогда это сопрано... или меццо-сопрано... именно тот противоположный полюс, от которого... или лучше — к которому... или с которым соединяется контрабас... совершенно неотразимо — как будто вызывает музыкальную искру, от полюса к полюсу, от баса к сопрано — или еще дальше — к меццо, все выше — аллегория с жаворонком... божественным, в дальней дали, в бескрайней вышине, близко к вечности, космическим, сексуально-эротично-бесконечно— инстинктивным, словно... и все же привязанным к полю притяжения магнитного полюса, которое исходит прямо перед стойкой близкого к земле контрабаса, архаично, контрабас архаичен, если вы понимаете, что я имею в виду... И только так возможна музыка. Потому что в этом напряжении между здесь и там, между высоко и низко, здесь проигрывается все, что имеет в музыке смысл, здесь проявляются музыкальный смысл и жизнь, да, просто жизнь. — Итак, скажу я вам, эта певица, — это к слову, — вообще ее зовут Сара, скажу вам, когда-нибудь она пойдет очень далеко. Если я что-то понимаю в музыке, а кое-что я в ней понимаю, она пойдет очень далеко. И в это вносим свой вклад мы, мы, из

оркестра, и особенно мы, контрабасисты, а значит, я. Это уже удовлетворяет. Хорошо. Итак, обобщим: Контрабас это **основополагающий** инструмент в оркестре ввиду своей фундаментальной глубины. Если одним словом, то контрабас — это глубочайший струнный инструмент. Вниз он простирается до контра-ми. Наверное мне нужно как-то это вам сыграть... Минутку...

Он отпивает еще глоток пива, встает, берет инструмент, настраивает смычок.

...вообще-то в моем баше смычок — это самое лучшее. Смычок работы Пфетчнера. Сегодня он стоит все две с половиной тысячи. Купил я его за триста пятьдесят. Это просто уму непостижимо, как в этой области за последние десять лет поднялись цены. Ну, ладно...--

Итак, теперь будьте внимательны!..

Он проводит смычком по самой низкой струне.

...Вы слышите? Контра-ми. Точно 41,2 герц, если он правильно настроен. Существуют басы, которые могут играть еще более низкие звуки. До контра-до или даже до субконтра-си. Это было бы тогда 30,9 герц. Но для этого нужен пятиструнный. На моем же их четыре. Пять мой бы не выдержал, они бы его разорвали. В оркестре у нас есть несколько пятиструнных, они нужны, например, для Вагнера. Звучат они не особенно, потому что 30,9 герц — это уже не звук в полном смысле этого слова, вы можете себе представить, это уже...

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)